

ОБЪ УЧЕНОЙ ОБРАБОТКѢ
ГРЕКО-РИМСКАГО ПРАВА,

СЪ ОБОЗРѢНІЕМЪ
НОВѢЙШЕЙ ЕГО ЛИТЕРАТУРЫ.

ОПЫТЪ ВВЕДЕНІЯ
ВЪ ИЗУЧЕНІЕ
ВИЗАНТІЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ.

СОЧИНЕНІЕ
Августа Энгельмана.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1857.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
Н. Глазунова, въ С. П. Б. и въ Москвѣ, П. Должикова, въ Кіевѣ,
Эггерса и Комп., въ С. П. Б., Энгельманца и Комп., въ Тифлисѣ.
Сам. Шмидта, въ Ригѣ.
Цена 75 коп. сер.

Печатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Савктпетербургъ, 20 Февраля 1857 года.

Непремѣнный Секретарь *Ал. Миддендорфъ*.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

	<i>Стр.</i>
Значеніе исторіи Византіи и греко-римскаго права.	1
Очеркъ исторіи литературы греко-римскаго права.	10
Понятіе и объемъ греко-римской юридической исторіи. . . .	46
Раздѣленіе ея на періоды и характеристика каждаго изъ нихъ .	57
Главныя задачи науки греко-римскаго права въ настоящее время	68

II.

Обозрѣніе литературы греко-римскаго права съ 1824 года. .	78
---	----

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При настоящемъ положеніи *византійскихъ* занятій, обработываніе исторіи греко-римскаго права становится крайне необходимымъ. Изслѣдованіе юридическаго быта Византіи разъяснить многія темныя стороны ея исторіи, обнаруживъ тѣ пружины, на которыхъ держался и двигался этотъ колоссъ, въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія. Не менѣе важно такое изслѣдованіе и для исторіи многихъ другихъ народовъ и государствъ. Говорю о тѣхъ, которые изъ Византіи получили не только первыя сѣмена образованности и просвѣщенія, но и многія начала гражданскаго устройства. Между ними первое мѣсто безспорно занимаетъ Россія. По этому для Россіи и ея исторіи разоблаченіе внутренней жизни Византіи—дѣло весьма важное. Между тѣмъ, именно въ настоящее время, когда матеріалы для исторіи византійскаго права приготовлены въ значительномъ количествѣ, почти нѣкому ихъ разработывать. Изъ западныхъ ученыхъ, прославившихся на этомъ поприщѣ съ двадцатыхъ годовъ, однихъ не стало,

другіе обратили свое вниманіе на новые предметы: почти одинъ только Цахаріэ-фонъ-Лингенталь трудится еще неутомимо. У насъ невниманіе къ предмету, столь важному и почти вовсе не обработанному, происходитъ отчасти, думаемъ мы, отъ неизвѣстности общаго хода занятій византійскимъ правомъ и результатовъ, уже достигнутыхъ или еще ожидаемыхъ. На университетскихъ лекціяхъ (сколько можно судить по печатнымъ программамъ) о греко-римскихъ законахъ, какъ предметѣ самостоятельномъ, нѣтъ и рѣчи, а безъ путеводителя не всякому удастся найтись въ литературѣ, разбросанной по множеству самыхъ различныхъ сочиненій и повременныхъ изданій. По этому, мы смѣло можемъ сказать, что настоящій трудъ вызванъ современною потребностью и надѣемся, что онъ будетъ содѣйствовать къ удовлетворенію этой потребности.

Не намъ судить, въ какой мѣрѣ достигнута нами означенная цѣль; точно также, какъ не въ нашей власти вызвать предлагаемымъ сочиненіемъ дѣятельное участіе нашихъ ученыхъ въ изслѣдованіи византійскаго права, и какъ не наше дѣло надѣлать эту книгу тѣмъ вліяніемъ, какого мы желали бы ей ради успѣховъ рассматриваемой нами науки. Напраснымъ считаю также говорить о трудностяхъ, сопряженныхъ съ сочиненіями подобнаго рода вообще и съ настоящимъ въ особенности. Знатокамъ это весьма хорошо извѣстно: они не откажутъ въ справедливой оцѣнкѣ и второй (съ виду едва ли не самой неблагоприятной и труженической, но тѣмъ не менѣе далеко не излишней) части нашего труда. А для тѣхъ, кто взялся бы

судить о дѣлѣ, не понимая его, говорить здѣсь было бы напрасно.

Для предупрежденія всякаго недоразумѣнія со стороны публики, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о заглавіи сочиненія. Въ немъ значится, что книга должна служить введеніемъ въ юридическую исторію *) *Византіи*, и между тѣмъ оно, въ то же время, очевидно, хочетъ стать подъ *греко-римское* знамя: по видимому, противорѣчіе! Историкамъ-юристамъ извѣстно, что нѣтъ! Но въ умахъ другихъ любителей просвѣщенія, какъ намъ случилось замѣчать, бродятъ объ этомъ предметѣ весьма смутныя представленія. Желая услужить имъ, докладываемъ, что оба термина употребляются здѣсь безразлично, но что второму мы отдаемъ преимущество потому, во-первыхъ, что онъ общепринятъ въ наукѣ; а принять онъ, во-вторыхъ, потому, что лучше всего выражаетъ характеръ обозначаемого имъ предмета. Что бы ни говорило предубѣжденіе противъ римскаго права, а намъ не обойтись безъ него ни въ теоріи, ни въ практикѣ. Оно неразрывно связано съ ново-европейскою юридическою жизнью. Мы, въ своей исторіи, также встрѣчаемся съ нимъ на каждомъ шагу. Оно перешло къ намъ изъ Византіи; но это не значитъ, чтобы у насъ подъ именемъ византійскимъ слѣдовало разумѣть что-то существенно различное отъ организующаго римскаго элемента на западѣ. Напротивъ, здѣсь есть сходство и связь, и гораздо больше, нежели обыкновенно полагаютъ (какъ

*) Мимоходомъ сказать, это новый терминъ, но отнюдь не произвольный.

у насъ, такъ и на западѣ): Юстиніаново право само есть уже явленіе греко-римскаго міра.

Но — предисловіе не ученое разсужденіе. Пусть лучше скажетъ оно о происхожденіи выпускаемаго въ свѣтъ сочиненія. Автору его поручено было отъ III-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ написать о греко-римскомъ правѣ статью, которая должна была служить продолженіемъ историко-литературныхъ статей о византизмѣ вообще, помѣщенныхъ въ II и III томахъ «Ученыхъ Записокъ» Отдѣленія. Какъ современное состояніе науки византійскаго права, такъ, въ особенности, важность его для юридической исторіи Россіи, были причиною, что предполагаемая статья разрослась въ цѣлую книгу, которая нынѣ предлагается читателямъ отдѣльно. Служа введеніемъ въ изученіе греко-римскаго права, она, со временемъ, войдетъ, какъ часть, въ составъ общаго Введенія къ византійскимъ занятіямъ, о необходимости котораго говорено въ Ученыхъ Запискахъ. Что касается сочиненій, входящихъ въ составъ обзрѣваемой нами литературы, то ни въ какой изъ нашихъ библіотекъ не находится *полнаго* ихъ собранія. Богаче всѣхъ, въ этомъ отношеніи (особенно относительно новѣйшей литературы), библіотека Академіи Наукъ. Книги, недостающія въ ней, я принужденъ былъ собирать со всѣхъ сторонъ. Между прочимъ, я могъ пользоваться значительнымъ количествомъ томовъ изъ библіотеки Дерптскаго Университета. При посредствѣ Академіи Наукъ, онѣ доставлены были ко мнѣ изъ Дерпта, съ большою готовностію, за что долгомъ считаю выразить здѣсь мою благодарность Начальству Университета.

Остается пожелать *одного* — чтобы не пришлось снова повторить приведенный ниже отзывъ одного изъ нашихъ ученыхъ о положеніи занятій византійскимъ правомъ въ нашемъ ученомъ мірѣ. Византинологія вообще ждетъ у насъ новыхъ дѣлателей. Она имѣетъ несомнѣнное право на особенное покровительство со стороны Россіи. Это едва ли для кого нѣужно еще доказывать! Но чтобъ это право перешло въ дѣло — вотъ въ чемъ настоящая нужда!

А. З.

Санктпетербургъ,
18 февр. 1857 г.

Византія и ея судьбы, въ особенності развитіе внутренняго ея быта въ теченіе слишкомъ одиннадцати вѣковъ, являются предъ нашимъ взоромъ все еще въ какомъ-то полусвѣтѣ — полусвѣтѣ, нерѣдко переходящемъ въ совершенную темноту. И не мудрено! Какъ ожидать намъ ясности въ загадочныхъ дѣлахъ прошедшаго, когда мы такъ мало заботимся озарить ихъ свѣтомъ истинно-ученой исторической критики, какъ бы выжидая, не появятся ли они сами собою на какую-то историческую выставку, гдѣ бы намъ привольно было описывать ихъ въ болѣе или менѣе блестящихъ статьяхъ и повѣствованіяхъ, безъ скучнаго труда собственныхъ изслѣдованій? Но такова могла быть участь всякаго историческаго предмета: почему же именно византійская исторія столь мало обратила на себя вниманіе ученаго міра?

На западѣ Европы долго господствовало предубѣжденіе, не допускавшее въ судьбахъ Византіи никакого высшаго интереса для исторіи: это предубѣжденіе (не совсемъ искоренившееся и теперь) отозвалось въ словахъ одного знаменитаго историка, когда онъ говоритъ, что «въ Византіи исторія изображаетъ свои событія сѣрой краской на сѣромъ грунтѣ» (*ihr Grau in Grau malt*). Есть доля правды въ этихъ словахъ: съ перваго взгляда, дѣйствительно, въ про-

долженіе цѣлаго тысячелѣтія, исторія Византіи представляет немного утѣшительныхъ явленій. Рядъ государей, пользующихся, бѣльшею частію, незавидною славою, нескончаемыя интриги царедворцевъ, своевољство сановниковъ, броженіе страстей, жестокія казни, въ высшемъ обществѣ безнравственность, прикрываемая свѣтскимъ лоскомъ и пышными фразами, въ массѣ народа вялость и слабодушіе — вотъ нѣсколько чертъ этой исторіи, которыя часто выдаются весьма рѣзко. При всемъ томъ, однако, имперія существовала цѣлое тысячелѣтіе. Старый Римъ, вмѣстѣ съ своимъ государственнымъ устройствомъ какъ будто завѣщаль Новому (Νέα Ῥώμη) и свою долговѣчность. Самый фактъ этой тысячелѣтней жизни достоинъ вниманія. Какъ могло статься, что государство, повидимому, давно уже носившее въ нѣдрахъ своихъ зародышъ гибели и вскорѣ обнаружившее въ своей исторіи явные признаки внутренняго разложенія, — какъ могло статься, что такое государство, тѣмъ не менѣе, еще долго, долго продолжало жить и пережило много другихъ государствъ, явившихся на поприщѣ исторіи послѣ него и при томъ въ полной крѣпости юныхъ силъ?! Значитъ, въ немъ былъ источникъ жизни, жизненное начало, дававшее ему возможность и силу устоять такъ долго среди безпрестанныхъ неуройствъ и бѣдствій, волновавшихъ и обуревавшихъ его. Христіанство, центръ этой жизни, при содѣйствіи нѣкоторыхъ другихъ элементовъ, которые далеко еще не изслѣдованы¹⁾, образовало изъ государственнаго быта, выработаннаго римскимъ міромъ, такой фундаментъ, на которомъ имперія могла столько вѣковъ

¹⁾ Нѣсколько указаній на эти элементы читатель найдетъ въ статьѣ академика Куника: «Почему Византія остается загадкой во всемірной исторіи?», въ Учен. Зап. Имп. Акад. Н. по I и III Отд., т. II, стр. 423 — 444.

не только сама держаться, но и служить оплотомъ для другихъ.

Кромѣ этого внѣшняго значенія во всемірной исторіи, Византія имѣла и значеніе внутреннее, и притомъ въ двоякомъ отношеніи: во первыхъ, для западной Европы, и во вторыхъ, для народовъ славянскаго племени. Въ томъ и другомъ отношеніи изслѣдованіе византійской исторіи необходимо для полнаго уразумѣнія общаго хода новой исторіи. Съ одной стороны, главное начало новой исторіи, христіанство, именно въ Византіи ²⁾ въ первый разъ обнаруживаетъ свое вліяніе на бытъ государственный. Съ другой же стороны, не должно забывать, что Византія во многихъ отношеніяхъ является посредницею между древностью и новымъ міромъ, а равно и между Азіею и Европой. Въ особенности, много ей обязаны народы славянскіе, для которыхъ она переработала въ духъ христіанскомъ результаты, достигнутые древнимъ міромъ и собранные Римомъ въ одно цѣлое. Такимъ образомъ, она въ исторіи занимаетъ свое необходимое мѣсто.

Обще-историческое значеніе Византіи выражается и въ исторіи византійскаго права. Римское право, въ томъ видѣ, въ какомъ оно вошло въ организмъ западныхъ государствъ, уже носило на себѣ печать жизни не-римской, византійской. Такимъ образомъ, въ юридической организаціи запада участвовалъ и элементъ византійскій. Далѣе, лангобардскіе короли, вмѣстѣ съ внѣшнимъ образованіемъ, заимствовали у Византійцевъ также формы и обычаи придворной жизни, съ іерархіею должностей, титулами и пр., что не могло не оказать нѣкотораго вліянія и на государственный бытъ Лангобардовъ, а за тѣмъ, при посредствѣ ланго-

²⁾ Считаю нужнымъ замѣтить здѣсь, что исторію Византіи слѣдуетъ начинать съ Константина Великаго. Объ этомъ см. ниже.

бардскаго леннаго права, и на юридическую жизнь другихъ германскихъ народовъ. Вообще, не разъ установленія государственнаго права европейскихъ державъ въ первый разъ являлись въ Византіи и оттуда уже распространялись по западу³⁾. Но, что важнѣе всего, въ общемъ ходѣ развитія греко-римскаго права и во многихъ отдѣльных явленіяхъ этого развитія замѣчается уже присутствіе и дѣйствіе элемента, проникающаго собою всю новую исторію и обуславливающаго совершенно новое воззрѣніе на право и государство, — элемента, который, въ противоположность древности, можно назвать *ново-европейскимъ* (на западѣ обозначаютъ его французскимъ терминомъ *moderne*; другіе, усматривая проявленіе этого элемента и въ жизни германской, считали его достояніемъ спеціально-германскимъ, а потому даже прозвали исключительнымъ именемъ *германскаго*). Всюду выступаетъ на первый планъ начало личности, чтобы завоевать себѣ свой удѣлъ и въ области права. Оно является и въ семейномъ быту, и въ жизни общественной, и во главѣ государства. Въ борьбѣ этого субъективнаго начала съ древнимъ объективизмомъ, совпадающей отчасти съ столкновеніемъ между элементами древне-римскимъ и каноническимъ (о чемъ см. ниже), мало по малу, подъ примирительнымъ вліяніемъ христіанства, проникавшаго въ самую жизнь, сглаживаются противоположныя другъ другу односторонности и предуготовляется возможность возведенія противоборствующихъ элементовъ къ высшему единству — цѣль, достиженіе которой составляетъ, въ отношеніи законодательномъ, задачу современнаго намъ міра. Въ этомъ обще-европейскомъ дѣлѣ,

³⁾ Это замѣчено еще въ прошедшемъ столѣтіи Гейслеромъ (С. Н. Geisler). См. сочиненіе его: *De antiquitatibus juris publici ex disciplina Byzantina repetendis*. Marburgi. 1779. 4.

по силамъ своимъ, участвовала и Византія. Только изъ такого общаго направленія въ развитіи права на западъ и на востокъ удовлетворительно объясняется поразительное сходство нѣкоторыхъ явленій въ юридической жизни того и другаго. Такъ, иныя юридическія установленія, обыкновенно почитаемыя исключительно-германскими, напримѣръ, право преимущественной покупки (*retractus*, *Näherrecht*), саксонская эманципація (*emancipatio Saxonica*) и др. ⁴), оказываются и въ Византіи; такъ называемая юридическая тавтологія, составляющая, повидимому, отличительный признакъ памятниковъ германскаго права, не безъ примѣровъ и въ документахъ греко-римскихъ (встрѣчаются, напримѣръ, выраженія: *εὐδοκεῖ, προτάσσει, θεσπίζει καὶ διορίζειται* = постановляетъ; или: *ἀναφαιρέτως καὶ ἀναπροσπάστως, κατὰ τὴν περίληψιν καὶ ἰσχὺν καὶ δύναμιν τοῦ ἀργυροβούλλου* = по силѣ аргировула, и пр. ⁵). Въ дальнейшемъ развитіи Юстиніанова права, греко-римское законодательство нерѣдко доходило до тѣхъ же результатовъ (напр. въ новеллахъ Льва Философа), которыхъ на западѣ самостоятельно достигала юридическая наука. Подобныхъ сходныхъ чертъ можно бы было исчислить довольно много. Онѣ, въ своей совокупности, служатъ новымъ подтвержденіемъ мысли, что въ средніе вѣки развитіе и движеніе права въ обѣихъ половинахъ Европы шло по одному и тому же главному направленію. Этимъ объясняется, какъ при Фридрихѣ Барбароссѣ одна новелла Романа Лакапина, въ простомъ переводѣ, безъ всякихъ измѣненій, могла быть объявлена обязательною и для германской

⁴) См. *Zachariae, Historiae Juris Graeco-Romani delineatio*. 1839, стр. V.

⁵) См. хрисовулъ, отпечатанный въ *Catalogue des manuscrits Grecs de la bibliothèque de l'Escurial*. Par E. Miller. 1848, стр. 63 — 66.

имперіи⁶⁾. Равно становится понятнымъ, на какомъ основаніи Куяцій, не впадая въ противорѣчія, лангобардское ленное право могъ пополнить постановленіями императоровъ византійскихъ.

Особенную важность имѣетъ греко-римское право въ исторіи европейскаго востока и, въ частности, народовъ племени славянскаго. Римскому праву суждено было служить устроительнымъ началомъ въ юридическомъ бытѣ всей почти Европы. Бóльшая часть славянскихъ народовъ получили его изъ рукъ Византійцевъ, и такимъ образомъ греко-римское право само является въ новомъ свѣтѣ.

Съ этой, возвышеннѣйшей точки зрѣнія, исторія Византіи получаетъ значеніе, гораздо важнѣе обыкновенно приписываемаго ей, и уже не можетъ быть осуждена единственно потому, что въ ней есть и темныя стороны, изъ которыхъ впрочемъ еще не одна исчезнетъ при свѣтѣ настоящей исторической критики.

Для насъ эта исторія, кромѣ общаго ученаго интереса, имѣетъ еще гораздо болѣе близкое значеніе. Всѣмъ извѣстно, что византійскій элементъ игралъ весьма значительную роль какъ въ исторіи просвѣщенія нашего отечества, такъ и въ процессѣ внутренняго, гражданскаго и государственнаго, его устройства и развитія. Но степень участія этого элемента въ нашей исторіи, сила вліянія и кругъ дѣйствія его въ процессѣ нашего развитія далеко еще не изслѣдованы и не опредѣлены. Для этого, прежде всего, нужно знать, въ чемъ именно состояла сущность греко-римскаго начала вообще, какимъ духомъ проникнуты были люди, являвшіеся у насъ представителями ви-

• 6) См. *De feudis libri quinque...* studio Jac. Cujacii J. C. Coloniae Agrippinae. MDLXXVIII. 8., стр. 322 — 324.

зантинизма. Отвѣта на этотъ вопросъ должно искать тамъ, гдѣ византійскій духъ выражается во всей полнотѣ своей, т. е. въ судьбахъ самой имперіи и особенно въ исторіи внутренняго ея быта. Но такой исторіи пока еще не имѣется. У Лебо (*Histoire du Bas-Empire*), конечно, никто и не станетъ искать ничего подобнаго: его «Исторія» ничто иное, какъ сводъ лѣтописныхъ извѣстій, въ которомъ нерѣдко замѣтенъ недостатокъ даже самой простой (разумѣется, по нынѣшнимъ нашимъ понятіямъ) исторической критики, тѣмъ менѣе могла быть рѣчь о воспроизведеніи прошедшей жизни въ ея полнотѣ. Подобнаго воспроизведенія не найдемъ мы и въ извѣстномъ сочиненіи Гиббона. Видя въ исторіи византійской не болѣе какъ агонію прежней римской жизни, онъ и не думалъ вникнуть въ сущность византійскаго духа и быта. При томъ, «Исторія» его походитъ болѣе на прагматическое разсужденіе, нежели на изображеніе историческое. И у послѣдующихъ за тѣмъ историковъ Византія является, большею частію, только въ пассивномъ отношеніи къ развитію ново-европейской жизни въ средніе вѣка. Въ сочиненіяхъ и статьяхъ Фальмерайера хотя видно правильнѣйшее пониманіе византійскаго быта, однако и его бѣглые очерки далеко еще не удовлетворительны. Цинкейзенъ, въ введеніи въ его Исторію Греціи ⁷⁾, сдѣлалъ нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній о значеніи византійской исторіи вообще; но въ историческомъ изложеніи его, по самой цѣли сочиненія, Византія стоитъ только на второмъ планѣ.

* 7) *Geschichte Griechenlands vom Anfange geschichtlicher Kunde bis auf unsere Tage* von Johann Wilhelm Zinkeisen. Erster Theil. Das Alterthum und die mittleren Zeiten bis zu dem Heerzuge König Rogers von Sicilien nach Griechenland. Leipzig 1832. 8. Замѣчанія Цинкейзена объ управленіи ахейской провинціи (стр. 710 — 714 и 792 — 803) могутъ быть употреблены съ пользою и будущимъ историкомъ византійскаго права.